

Лаэрт Добровольский

ДОЛГОВРЕМЕННАЯ ОГНЕВАЯ...

Лаэрт Олимпович Добровольский

Долговременная огневая... Стихотворения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23556025
Долговременная огневая: Санкт-Петербург; 2015*

Аннотация

Лаэрт Добровольский (родился в апреле 1941 г. в Ленинграде) весь период блокады находился в осажденном городе. Военную службу проходил на Северном флоте. Участник испытаний атомного оружия на о. Новая Земля (1961–1962 гг.) Окончил Лесотехническую академию (Ленинград, 1969 г.) Автор семи сборников стихов, участник ряда литературных, философских, краеведческих сборников и альманахов. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Санкт-Петербурге. В настоящую книгу вошли стихи разных лет. Разделы книги: Долговременная огневая..., Новая Земля, Дом птиц и др. В стихах о Великой Отечественной войне и трагических страницах блокады Ленинграда отражены современные, во многом трансформированные, умонастроения участников этой войны, даётся попытка проникнуть во внутренний мир человека – победителя и побеждённого.

Содержание

«Начинаю как будто с нуля...»	5
«Есть веко у каждого века...»	6
Долговременная огневая	8
«Придёт взрывник... Всему свой срок...»	8
«Долговременная точка...»	9
«Я, огневая точка...»	11
«Сердце очередью прострочено...»	13
Дом истории	14
Невский пяточок	15
Берега Невы	15
«Здесь слова замирают в теплынь на лету...»	17
«Откопали и нас... Наконец-то...»	19
«Я замёрз... Не могу отогреться...»	20
Ледоход на Неве	21
«Не бродить по травам росным...»	23
«Истекающий кровью глядит в облака кучевые...»	24
«Ни тебя, ни меня не отыщет...»	25
«На розовом носу – очки того же цвета...»	26
Победа KNAUF	27
«Имя Твоё в интернете искать ли...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лаэрт Олимпович Добровольский

Долговременная огневая

© Л. О. Добровольский, стихи, 2015 г.

© О. С. Дмитриева, обложка

...Правда, что полегли миллионы.
Но в статистике правда не вся.
Рассыпаются в прах медальоны.
Наши правды в песок унося...

Крест немецкий и орден советский
Вот и всё, что осталось от нас...
Откопали и нас... Наконец-то...
Кем мы станем сегодня для вас?..

«Начинаю как будто с нуля...»

Начинаю как будто с нуля.
Как костёр новый стих разжигая
Неустойчива дыма струя:
То слабеет, почти пропадая.

То взлетает с огнём пополам.
Слов незначащих стружку сырую
Обвивая, к опорным словам
Подбираясь наощупь, вслепую.

Животворного ветра порыв
Никогда не бывает в излишке
И словам, обещающим взрыв,
И под лапником зреющей вспышке.

Рухнет мир... Новоявленный Ной —
Словознатец пыливый, отыщет
Слов останки под толщей земной
На оставленном мной костровище.

«Есть веко у каждого века...»

Есть веко у каждого века.
Что в свой поднимается час
И смотрит век на человека.
На каждого смотрит из нас.

Глядит неподкупное око.
Свой взор отводить не спеша,
И чья-то в смятенье глубоком
Испуганно смотрит душа

Встревоженной выстрелом птицей.
Понять не успевшей ещё.
Что, может быть, дней вереницы
Внезапно предел сокращён;

Но чудо бывает, бывает:
И листьев шуршат кружева,
И к пирсу волна прибывает.
Как прежде, и птица жива.

Но всё-таки был не напрасен
Ударивший в сердце испуг:
Дороже – размыт или ясен —
Становится солнечный круг.

И как от утраты случайно
Спасённый, глядит человек
А око, исполнено тайны.
Скрывается веком навек.

Долговременная огневая

«Придёт взрывник... Всему свой срок...»

Придёт взрывник... Всему свой срок..
Разрушен Колизей...
Бетона серого кусок —
Цемент, щебёнка и песок —
Я отнесу в музей.

Дорог и судеб грозных дней
Немой конгломерат
Напомнит ярче и полней
Святую родственность корней:
Блокада – Ленинград.

Бульдозер нож опустит свой,
И канет в вечность тот
Когда-то бывший огневой
И грозной точкой над Невой
В селе Рыбацком ДОТ.

«Долговременная точка...»

Долговременная точка...

Точку зрения огня
Защищает оболочка
Из бетона и броня.

Пробуй с фронта, пробуй с тыла
В точку зрения попасть —
И доньне не остыла
Жажда высказаться всласть:

– С точкой зрения Природы
Согласуется закон:
Ослеплённые народы —
Огнедышащий дракон.

Где лавиной вал давлен
Захлестнёт земную твердь —
В каждой клеточке извилин
Ноосферы зреет смерть,

Беспощадной жизни проза
Попирает все права;
Там огонь огню угроза.
Где не действуют слова.

Страшен самопостижением
Загоняемый в загон.
Кончит век самосожжением
Огнедышащий дракон...

Точку зрения приемлю
Зажигающую свет
И вгоняющую в землю
Нож, заточку и кастет.

«Я, огневая точка...»

Я, огневая точка, —
Как вечный часовой;
Не вылиняла строчка.
Простроченная мной.

Меня, из сотен тысяч
Не предавших земли.
Ни подавить, ни выжечь.
Ни выжать не смогли.

Не зарастает метка —
Попал осколок в бровь;
Прочна грудная клетка.
Но что-то ноет вновь.

И чудится порою:
Вновь, словно на войне.
Идут солдаты строем
В полночной тишине.

Идут незримым строем.
Един порыв: – вперёд!
Труба вослед героям
Прощальный марш поёт.

Застава у Славянки
Уходит за спиной —
И встанут спозаранку
Лицом к лицу с войной;

К сражению готовы.
Не ведая о том,
В чьём доме вскрикнут вдовы
И замолчат потом.

Узка моя бойница.
Но кругозор – широк...
Не кончена страница,
Ещё идёт урок...

Но в празднике народном
Дороже всех наград —
Оставшийся свободным
Блокадный Ленинград.

«Сердце очередью прострочено...»

Сердце очередью прострочено...
Замерла на бегу река...
Возвращенье домой отсрочено
Не на день, не на год – на века.

Я вернусь в обновлённом времени,
Я прорвусь сквозь завалы лжи,
А пока что крестным знамением
Тень берёзы на мне лежит.

А пока что мои мгновения
Истекают на серый мох.
Отправляюсь для пополнения
Испутивших последний вздох.

От меня не дождутся весточки —
Всё, конечно, поймут и так.
Расплывается зелень веточки.
Словно тронутый ржой пятак.

Для кого теперь это облако
В ярком блеске весёлых спиц? —
То ли где-то вдали, то ль около
Шум прибоя и пенье птиц.

Дом истории

Дому Истории ветхость прилична; к лицу
Букли седой бересты и бумажные свитки.
Чтобы стремились забвения травы к крыльцу
Мягким надбровьем надгробий и каменной плитки.

Значили что эти стёршиеся словеса
Призрачной тенью от тени минувшей эпохи? —
Словно в пустынных покоях слышны голоса
Прежних владельцев – их тихие речи и вздохи.

Что исповедовал череп смеющийся сей.
Так ли был весел и так ли он был беззаботен.
Как на Сенной беспробудно весёлый Евсей —
Шут площадной – безобеден и век безработен.

Солнечный ветер и тонкая звёздная пыль
Лики явлений стирают, не глядя на личность;
В доме Истории с мифами прыгает бль,
В диких прыжках попадая во внеисторичность.

Где ты. История, очи разверзни свои.
Внемлешь ли толпам людским: их в расщелинах разум
Не принимает на веру уроки твои —
С материками спускается он к дикобразу.

Невский пяточок

Берега Невы

В потёмках до утра
Мерещится подвох:
Вот взмoет ввысь «Ура!..»,
Вот гаркнет «Hande Hoch!»

И содрогнётся твердь
В который раз уже,
И понесётся смерть
В слепящем кураже.

Страшнее во сто крат
Летящего свинца
Поднявший руку брат
На брата-близнеца.

Сурова память-нить
В суровые века.
Ничто соединить
Не в силах берега —

Ни новые мосты.

Гуманности полны.
Ни новые кресты
На нивах той войны.

«Здесь слова замирают в теплынь на лету...»

Здесь слова замирают в теплынь на лету.
Здесь Нева замедляет движение.
Усмиря свободной волны маету
И брожение.

Как враги друг на друга глядят берега,
В каждом взгляде – достоинство племени...
Расцепляет двух братцев сестрица-река
Столько времени...

Вот бы звон колокольный над гладью речной
Пробудил в берегах покаяние.
Но чека поржавевшей гранаты ручной
Вся – внимание.

Отойти бы гранате на вечный покой...
Жизнь – в бессмертии многообразия;
Не предложит гранате сапёр над рекой Эвтаназии.

И лежать ей занозой в подкорке земной.
Всею мощью своей нерастраченной
До последнего слова, до встречи – со мной
Предназначенной...

«Откопали и нас... Наконец-то...»

Откопали и нас... Наконец-то...
Словно выпал счастливый билет:
Перебраться на должное место
На ближайшую тысячу лет.

Нам не верится, что откопали;
Вздёрнут дёрн, перевёрнут пейзаж..
Распознают ли только? – едва ли
Тайну выдаст разбитый блиндаж.

Правда, что полегли миллионы.
Но в статистике правда не вся.
Рассыпаются в прах медальоны.
Наши правды в песок унося...

Крест немецкий и орден советский
Вот и всё, что осталось от нас...
Откопали и нас... Наконец-то...
Кем мы станем сегодня для вас?..

«Я замёрз... Не могу отогреться...»

Я замёрз... Не могу отогреться...
Я прогреться никак не могу...
Холодами блокадного детства
Я оставлен на том берегу.

Где метели, по-прежнему воя.
Обречённую жертву ведут
На голодную смерть – без конвоя.
Обходя за редутом редут.

Я на том берегу, на блокадном.
Где по-прежнему лютый мороз...
На пространстве пустом, неоглядном
Льдом и инеем город оброс.

Я на том берегу, на котором
По живому метель голосит
И угаснувшей жизни повтором
Ни в аду, ни в раю не грозит.

Я замёрз... Не могу отогреться.
Хоть тепло и листва молода...
Ледниковым периодом сердца
Отзываются те холода.

Ледоход на Неве

Ледовый панцирь сбрасывает Ладога —
В который раз пора оледенения
С её лица опять уходит надолго
В гремящей суете отъединения.

Где было поле ровное, единое.
Имперское, державно-монолитное —
Сообщество разноголосно-льдинное
В разорванности уз слезопрелитное.

От каждой льдины слышно: – Будь по-моему!.
И каждая ведёт себя по-разному...
Что б им взглядеться в новую промоину.
Где бездна неизведанности празднует:

Её безмолвье злобное, утробное —
Не вяжется с мальчишеским речением,
И каждая из льдин – плита надгробная.
Губительным подхвачена течением.

Теснясь и споря, входят в русло невовское.
Под ними дно останками усеяно —
А сколько их и чьи они – известно нам.
Глядящим в небо разными Расеями.

Толкутся льдины – плиты наднемецкие,
Надрусские, надшведские, надобщие,
Надкраснозвёздные и надсоветские.
Уготовляя души к разнородщине.

Как люди – льдины. Каждая – в отдельности.
И жизнь любой – Вселенная безбрежная.
Пустынница безликой беспредельности...
Из праха – прах. Из капли – капля прежняя.

«Не бродить по травам росным...»

Не бродить по травам росным.
Не плутать по их коврам —
Пестроцветным, медоносным.
Полевым, тонкоколосным.
По приземистым и рослым
И прохладным по утрам...

Не читать на небе синем
Тайных писем облаков.
Их над нами проносили
Ветры с севера России...
Мы месили-колесили
Грязь окопами веков...

Не стучаться в дом родимый
Ночью зимней, летним днём —
Здесь, где месяц нелюдимый
Ходит целый, невредимый —
В три наката в пласт единый
Уложило нас огнём...

«Истекающий кровью глядит в облака кучевые...»

Истекающий кровью глядит в облака кучевые;
Затухающим взором что ищет он за облаками?..
Истекающий речью всё ищет слова ключевые —
Уходящую жизнь заключить ключевыми словами.

Истекающий верой – гнездо потерявшая птица
На излёте закатного часа нелётной порою
Тоже ищет, к чему бы душой прислониться.
Но лететь невозможно, а солнце уже за горюю.

Истекающий мыслью, свободный от веры и речи.
Ищет синее небо – как в детстве далёком, такое.
Где бы облако с солнцем без противоречий,
И вокруг – тишина, и сознание покоя – в покое.

«Ни тебя, ни меня не отыщет...»

Ни тебя, ни меня не отыщет
Ни один поисковый отряд...
Старых сосен крепки корневища
И стволы красной медью горят.

Волей случая спаяны тем мы.
Что сроднил нас сраженья порыв;
Давят нас корневые системы
Всею мощью, как медленный взрыв:

Обвивая, как щупальцы спрута.
Наши соки безжалостно пьют...
Что там кроны о вспышках салюта? —
Не совместны война и салют.

Наших судеб слепые осколки
В купола поднебесья стучат.
От осколков и сосны, и ёлки
Чудодейственно смолоточат

И, о чудо, как в кинокартине.
Где за титрами близок конец.
Мы – противники – вечно едины
И единый над всеми Творец.

«На розовом носу – очки того же цвета...»

На розовом носу – очки того же цвета:
Оправа и винты, и дужки, и стекло;
На всём печать решений Розового Света —
Быть розовым во всём, пока не истекло

Быть розовым во всём отмеренное время;
Взор розовую розу в ризе криза зрит
И розоватость визы визави – не бремя.
Но ризеншнауцер так розово грозит.

Кто розов – резов тот. Визира зев изрезан.
За розовым штрихом – лишь розовый исход.
На розовом лугу гоняет Гитлер с Крезом
Песочные часы под розовый восход.

Победа KNAUF

До недавнего времени существовал в Колпино комбинат, выпускавший строительные материалы. Носил комбинат гордое и великое имя «Победа» и успешной работой вполне оправдывал его.

Но вот и до Колпино докатилась перестройка и задела своим чёрным колесом «Победу». Новые хозяева – из Германии вместе с нашими назвали предприятие по-новому, а именно – ПОБЕДА KNAUF. Приставленное к «ПОБЕДЕ» немецкое KNAUF прилепилось справа и чуть ниже, давая понять, что оно здесь не главное, как бы в гостях и встать вровень с ПОБЕДОЙ не собирается. По-видимому, г-н KNAUF (новый со владелец) – человек, не до конца распроставшийся со скромностью. А может быть, голос предка, поливавшего огнём кварталы Колпино семьдесят лет тому назад, воззвал к совести своего потомка – трудно сказать. Но что думают по этому поводу сами работники комбината – и рабочие, и служащие – доподлинно известно. Известно также, что думают по этому поводу ветераны Великой Отечественной войны...

Победа г-на KNAUF над «ПОБЕДОЙ» и нашей общей Победой близка. И не только г-на KNAUF.

Не кирпичной пылью красной
Здесь упитана земля,

Речью гневной, речью страстной
Расшумелись тополя,

Прислонившись кроной к кроне,
Словно в сговоре каком,
Или в тайной обороне
Ожидая бой с врагом.

У божественной святыни
Взор свободней и смелей,
Чем у выступившей ныне
Строчке блуда на стене.

Как в насмешку дням кровавым.
Отлетевшим в даль времён.
На стене ПОБЕДА KNAUF
Голубым горит огнём.

Не зелёным и не красным.
Никаким другим-иным:
Мирно-ласковым, прекрасным.
Безмятежно-голубым...

Я – и KNAUF. Третий – лишний..
Я – и надпись на стене...
Говорят, сегодня Ницше
Поднимается в цене...

Одичало ржавым ворсом

Травы с небом не в ладу.
Атакуемый вопросом.
Безответен, я иду.

А вопрос толкает драться
Или – в лестничный проём:
Как же так паскудно, братцы.
Мы Победу продаём?

Звуки траурного марша
Над могилами звучат.
Кирпичи, как пачки фарша,
В штабелях кровоточат.

Над Ижорой, по-над речкой
До сих пор руин не счесть...
Речь немецкая овечкой
Ходит нашу травку есть.

Щиплет травку вроде боком.
Сознавая, что в гостях —
Но пощипывает током
Дом, стоящий на костях:

В двадцати шагах отсюда
Спит Ижорский батальон,
И сигналил, словно зуммер,
Неистлевший медальон.

Медальонам счёт неведом?
Похоронкам счёт забыт?
В сочетании с Победой
Вводит KNAUF новый быт?..

В подворотне лает Жучка.
По реке плывёт топор.
В переводе KNAUF – «ручка»
Означало с давних пор...

Помнит горькое Победа,
Не укроет никуда —
Расстреляли людоеда
Здесь, на улице Труда...

Истрадались в горе вдовы.
Смотрят в прошлое, назад.
Где ни дня без крови новой
Не держался суший ад.

В царстве скверны и бедлама
Лишь осталось – позови! —
Стать прислугой в храме Хама
Храма KNAUF-на-Крови...

Не случайно веет кровью
С наступающей грозой...
Ветеран поводит бровью —
Совладать бы со слезой...

Кто печаль его измерит.
Кто узнаёт по глазам?
Эх, Москва слезам не верит.
Питер верит ли слезам?!

«Имя Твоё в интернете искать ли...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.